

Церковь Бийского Приобья в 1920–1950-е гг.: устные интерпретации и толкования крестьян¹

История церкви в советское время содержит много трагических страниц. В 1917 г. церковь была отделена от государства, в 1920-е гг. начались репрессии против священников, в 1930-е гг. происходило разграбление и осквернение церковных зданий, репрессии против верующих. По архивным документам истории установили, что в середине XIX в. на Алтае насчитывалось 88 церквей, с начала 1880-х гг. возведено 170, в первом десятилетии XX в. — 162. Из существовавшего в 1925 г. 351 храма с 1925 по 1931 г. были закрыты 3, за 1931–1939 гг. — 348. Современные архивы содержат, как правило, констатацию времени закрытия церкви и пути использования ее здания или строительных материалов: например, «Список православных церквей Алтайского края, закрытых по постановлениям Западно-Сибирского крайисполкома в 1931–1937 годах»; «Сведения о закрытых церквей по районам Алтайского края за 1938–1939 гг.». В архивных документах нет описаний самих событий и отношения к ним современников. В результате сложилась парадоксальная ситуация: в век письменности оказалось утерянным целый информационный пласт, имеющий огромное значение для понимания русского общества, русской истории, русской культуры, русского менталитета и т. д. Для историков и краеведов сельских районов края важно реконструировать события прошлой воцерковленной жизни крестьян, судьбу сельского прихода, престольные праздники, историю строительства церкви, жизнь церковно-приходской общины (крестные ходы во время засухи или дождливой погоды и т. д.), значение церкви в жизни крестьянской семьи. Самостоятельным направлением является изучение разрушения церквей, судьбы сельских священников и самого храма в период репрессий, а также восприятие крестьянами данных событий.

Главной проблемой при изучении этого вопроса является нехватка архивных источников, усугубленных в России еще и их односторонностью, так как они создавались людьми с антирелигиозными установками. Поэтому самостоятельными историческими источниками являются воспоминания, рассказы, мемуары очевидцев событий — тех сельчан, которые присутствовали при этих событиях или помнят их по рассказам бабушек и дедушек. Задачей краеведов, учителей истории, юных историков является их запись. У историков-ученых есть такой метод исследования работы, как «устная история». Устная история (Oral history) интерпретируется в зарубежной практике (Алиса Хоффман) как «процесс сбора, обычно методом интервью с помощью диктофона, воспоминаний,

¹ В публикации использованы устные источники, собранные в экспедициях 2002–2003 гг. на территории Зонального и Бийского районов Алтайского края. В сборе материалов (интервьюировании и транскрибировании) участвовали студенты С. Короткова, О. Ильинских, А. Голышова.

описаний или интерпретации событий из недавнего прошлого, которые представляют историческую значимость» [3]. Можно сказать, что «устными историками» создаются новые источники.

Устный источник, как своеобразный «взгляд изнутри», включает разнообразную информацию о событиях. Человек, видевший воочию прошлую жизнь, оглядывается назад и рассказывает тем, «кто там не был, на что это было похоже изнутри». Предыдущая жизнь так или иначе определяет мироощущение человека и направляет его действия¹.

«Взглядом изнутри» обладают представители старшего поколения современного деревенского мира (1905–1930-е гг. рождения). Этих людей отличает особое умение рассказывать. Их сознание формировалось на сказках, которые им рассказывали бабушки и дедушки, а они сами рассказывали своим внукам. Устная «сказочная» традиция характерна и для их восприятия реалий повседневной, общественной и политической жизни. Для работы с ними необходимо использовать формаций, отражающей самосознание, мировоззрение, этнопсихологию и т. д. Ее анализ позволяет судить о сущности духовной народной культуры, в которой большое место отводилось людям верующим, как например, в рассказе из с. Енисейского: «Жил старичок, верил в бога, молился. Вышел он как-то на улицу, и ему открылось небо: неба не стало — купол, а там ангелы». Их судьба, как и судьбы священников, была трагична. Но народная память сохранила их имена, а односторонность устных историй отражает трагизм событий: «был священник, звали Викентием, его арестовали и увезли куда-то и казнили» (Устьское, Бийский район).

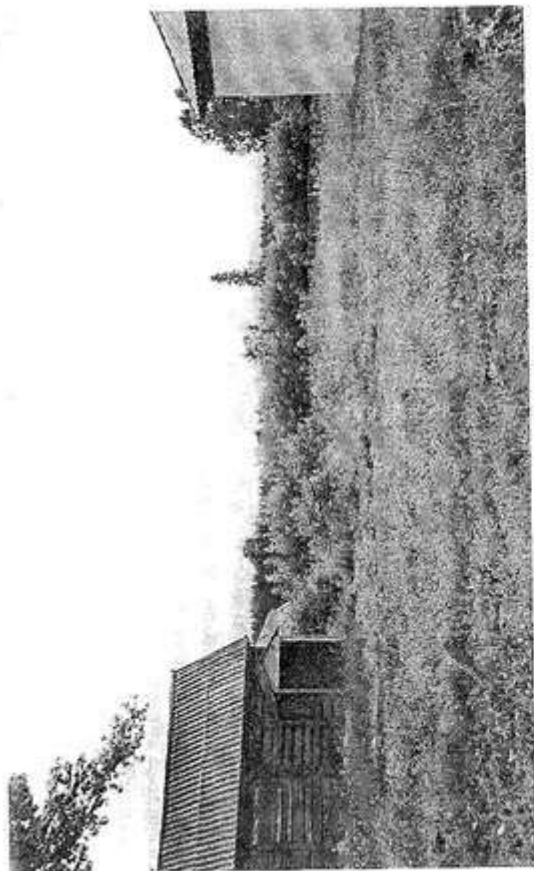
Воспоминания о многих из них стали приобретать форму народных преданий. Народная молва сел Енисейское, Большое и Малое Угренево сформировала контуры исторической были об одном из таких священников, воздав ему должное за христианское отношение к прихожанам в Енисейском, когда гражданская война охватила крестьянские села и церковь в селе заплыла. Местный священник встал на сторону прихожан, когда колчаковцы устроили следствие. Этот поступок увековечил его память. Сельчане передают из поколения в поколение рассказы. В 2003 г. были записаны несколько версий. «Поп с попадшей жили возле церкви. Когда подожгли церковь, тут Колчак нагнал... спрашивали, кто поджег. Поп никого не выдал». «Попа звали Петр, у него жена, дети. Его раскулачили, но не выслали, так как во время Колчака он отсталивал людей. В поповом доме пономарь жил, учителя... давали квартиру...» «Поп был мастеровой, хороший

¹ См. об использовании устных источников при изучении истории церкви в 1920–1950-е гг.: Щеглова Т. К. История разрушения православных церквей в 1930-е гг. на Алтае: комплексное исследование устных исторических источников // Краеведческие записки. Вып. 5 / Комитет администрации Алтайского края по культуре и туризму, Алт. гос. краевед. музей. Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2003. С. 125–137.

столяр, у него единственный [был] рамочные дуплянки – ульи. Было много детей. Звали Петр. Его раскулачили, но не выслали, так как во время Колчака он отсталивал людей...» Народные предания завершают богоугодный образ священника с одобрением его дальнейшего бесстрашного служения богу и прихожанам в условиях наступившего безбожия и репрессий против верующих: «Дом у священника отобрали, переселился в избушку. Но люди еще приходили [приглашали] на отпевание... Его потом забрали в город сын Николай и дочь Прасковья...»

Такие истории существуют в большинстве сел Бийского Приобья. Священник с Усятское «жил там же при церкви. У попа было большое хозяйство. Дом был деревянный, не очень хороший. Яички несли на Пасху... Монахи там жили, попадья была... Монахи жили в своем доме – учились и жили... На Аллаве был монастырь, туда ходили молиться, а во время войны там была тюрьма». В Сорстках был священник Кисляков: «его арестовали и посадили. Монахи, которая молилась, тоже посадили. Все боялись [молчали], никто не протестовал – 58-ю статью [дадут] – и на Колыму».

В условиях тотального страха перед репрессиями большой интерес представляют факты сопротивления прихожан. В государственных архивах отсутствуют информация о протестах прихожан или их сопротивлении закрытию прихода или разрушению храма, о заступничестве за священников. Для историков долгое время тотальная покорность прихожан при разрушении православных церквей была непонятна. Устная история показывает, что и протест, и сопротивление существовали, но в условиях тоталитарного репрессивного режима проявлялись по-разному. В с. Большое Угренево «пожилые люди возмущались, ругались: „Зачем ломаете церковь“... Начали громить пионеры да комсомолы. Запрещали верить в бога, агитировали активисты... В Сорстках Бийского района, «когда церковь разбирали, всякое было... Все взрослые были против ее разлома, а детям все равно». Устные источники отразили процесс разделения сельского общества на тех, кто пытался сопротивляться (представители старшего поколения), тех, кто в душе не одобрял действий советской власти (люди среднего поколения), и тех, на кого опиралась новая власть (молодое поколение и школьники). Мировоззренческий разлад между поколениями отмечают все информаторы: «Всякие разговоры были. Люди возмущались, а что толку-то. Молодежь помогла! Сбросили сначала колокола, разобрали ее. Построили школу» (Б. Угренево). Но у большинства сельских жителей старшего поколения протест ушел вглубь сознания («в душе»), внешне проявляясь мало. Как говорят информаторы, «возмущались, но молчали – боялись», «разрушали местные... местные никак не противостояли...» (Б. Угренево). Любкой устный источник содержит информацию о личных взглядах, восприятии, ощущениях очевидцев разрушения церквей, их оценках. Это позволяет в каждом конкретном случае понять, почему и как в кратчайший срок на глазах миллионов верующих были порушены тысячи соборов.

С. Ключи. Местонахождение бывшей церкви (двор школы). 2003 г.

Устнисторический метод исследования исходит из множественности оценок и интерпретаций. Он затрагивает «глубокие» темы, т. е. темы более личные, запятанные в памяти или «забытые». В устных источниках о разрушении церкви существует благоприятная возможность снять «тонкую корку напластований „новой морали“ еще недавно „коммунистической“ души» [4] и заглянуть в глубинное сознание. Достоинства и недостатки устнисторического источника обусловлены особенностями человеческой памяти. Отображение прошлого, как известно, может осуществляться разными путями и в разных формах: как любят повторять устные историки, «прошлое живет в настоящем разными способами», в изучении которых пересекаются пути этнографов, историков, фольклористов, лингвистов и др. Записанная история (субъективное отображение прошлого) – это интерпретация событий очевидцами, которая оформляется с помощью мнений, речевых рисунков, связанных смыслом и грамматическим построением. Поэтому интерпретация (отображение прошлого) обычно осуществляется на определенном уровне речи, который некоторые устные историки предлагают называть «жанром». Экспедиционные материалы, собранные в Бийском и Зональном районах, показали, что сведения о разрушении церкви и разрушителях «переместились в область устного предания и стали сосуществовать наряду с мифом, полностью превратившись в элемент традиционной народной культуры... пройдя переработку в народном сознании путем интерпретации событий в народном духе» [5], в котором сочинялись сказки, былички и мифы. В устных ис-

торических источниках действительно отмечается мифологизация реальных событий, традиционно оформленных в соответствии с ментальными особенностями сознания и мышления современного сельского населения – носителя традиций крестьянского мира и сознания русских в целом. Недаром лингвисты и фольклористы рассматривают народные рассказы о зачатии и разграблении церквей как «процесс образования нового жанра – жанра возмездия за поругание православных святых». Рождение нового жанра, как рождение сверхновой звезды, сопровождается «выбросом» в традицию огромного количества вариантов этого сюжета, с каждым годом все более приобретающего канонические жанровые признаки» [6].

К ним относятся рассказы об истории «святых» ключей и мест, чудотворных икон, истории храмов, колоколов. Они не только позволяют проследить пути и способы формирования устного народного творчества, устной традиции, но и отражают крестьянскую и этническую психологию, сознание, представления, ментальность и т. д. На территории Зонального и Бийского районов сохранилось особенно много (по сравнению с другими регионами Алтайского края) легенд о святых местах и святых ключах. На месте одного из них в Бийском районе сейчас организовано коммерческое предприятие «Серебряный ключ» по производству известной на Алтае минерально-столовой воды «Серебряный ключ». Источникам предстоит извлечь у местных крестьян прошлую историю этого святого ключа, как и других ключей (с. Верх-Бехтемир и др.). Подобный святой ключ сейчас возрождается под с. Шубенка Зонального района. Сельчане предпринимают усилия по его расчистке. Место огорожено, поставлен крест. Оно становится местом паломничества не только жителей Алтайского края. Знание о подобных истинных составляющих составляет часть культурного наследия Алтая. Многие из них не зафиксированы, их история не отложилась в архивах, но они еще живет в народной памяти. Так, Святой ключ в Шубенке, который имел родниковое происхождение, был известен в начале XX в., но в 1930-е гг. одновременно с разрушением деревни (старушки только успели разнести несколько икон по домам) его завалили. По словам старожилов, «советская власть лила в него керосин, поставили на месте свинарник».

Рассказы о жизни святого ключа с. Шубенки мифологизированы в народном знании. Его называют «чудотворным», вода его считалась полезной и очищающей. Свидетельством святости являлось то, что «в песке выливались божьи ички». Его воду использовали против болезней и эпидемий, порчи и глaza. Так, М. Михалева рассказывала, что «водой из Ключа лечили от порчи. Порченые люди подходили к Ключу и кричали, от боли, наверное. А один раз привезли какою-то порченную, у нее был сильный жар, лили на нее воду кружками, а она говорила: „Не выйду, не выйду“. Чуть на нее из ведра плеснули воды из ключа — и у рта ящерица вылезла, ее мужики сожгли, а женщина после этого спокойно

T. K. Щезлова

услуха». На этом примере хорошо заметна особенность построения народных «былей», «быличек», «сказаний», когда правда перемежается с вымыслом. Кроме того, по ее рассказу, «эта вода раны заживляла, много людей из других сел приезжало». И далее она же рассказывала о конкретном использовании воды из Святого ключа: «Давно в деревне бушевала холера, народу много умерло, и в этот день, в 9-ю пятницу от Пасхи¹, дела обрядились. Они ходили из церкви со знаменами Спасителя и Божьей Матери, святители поля водой из ключа». По другой версии, «была когда-то холера, и бабушки обрелись в Девятую пятницу ходить на Святой ключ. Верующие шли из церкви со знаменами Божьей матери и Спасителя, набирали воду и освящали поля, а также приносили эту святую воду домой, а спасая семьи от холеры, а поля от засухи».

Крест на месте церкви и кладбища в с. Шебалино
по ул. Мира. 2003 г.

В подобных памятниках народной культуры (народных историях) на современном этапе появляются оптимистичные нотки, рожденные быстро идущим процессом возрождения церкви. В частности, закономерно конюшка рассказов о возрождении церквей или ключей. Если в рассказах о церквях свидетельством завершения благословенного дела является очищение, освещение икон, то для Шубенского святого ключа важнейшим свидетельством возрождения чудотворного ключа является очищение, освещение икон, то

¹ По словам старожилов, праздник Дева́той пяти́цы был престольным, или, как еще старики его по старине называли, «соро́чным», так как в этот день они преподносили священнику на содержание три́дцать продуктов, зерно и т. п.

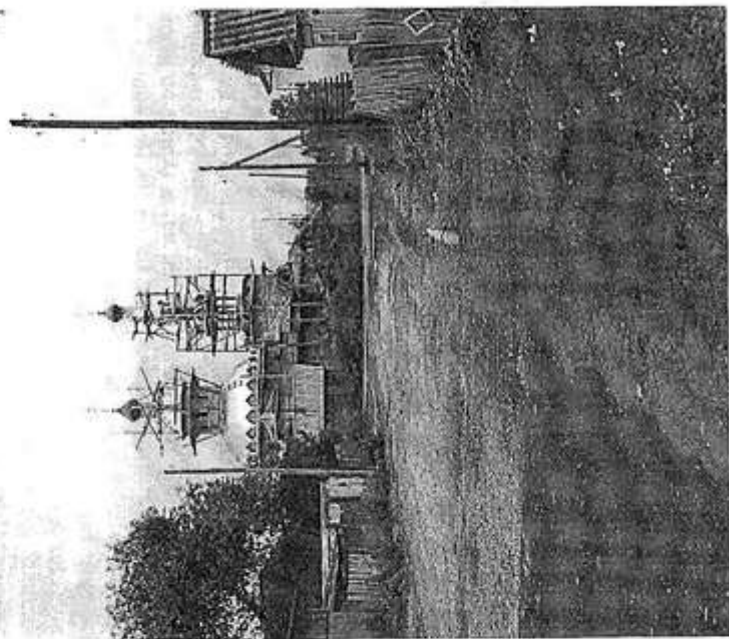
Черковъ Буйского Приюбыя въ 1920-1950-е гг.: устные интерпретации и толкования крестьян 55

действенной силы являлось «возрождение ликов из песка», как и раньше, по словам Г. Ф. Струковой, «иконки из песка складывались, только когда достойные люди или посвященные люди смотрели в воду».

Этнографу представляется уникальная возможность непосредственно наблюдать процесс функционирования живой устной традиции. В с. Буланиха сформировалось местное предание о снятии крестов и икон, в котором отразились ментальные сюжеты традиционной культуры об обреченности зла в борьбе с добром, о божественной силе: «Крест снимали (а колокола и крест снимали с помощью тракторов — цепляли трактором и ташили) — крест сорвался, пробил деревянный настил (другой вариант у рассказчиков — пробил крыльцо. — Т. Щ.) и ушел под землю» (в других вариантах его закопали под крыльцом). Далее в соответствии с народной традицией следуют не поддающиеся логике и разуму события: «Потом его искали — не могли найти. Даже бульдозерами рыли — не нашли...» В Соколово во время устроенного пожара церкви также пропал колокол, и среди населения до сих пор бытует легенда, что «если церковь состроят, то и колокол появится... говорят, что где-то спрятан. А самый главный колокол — он ушел до половины в землю...» Дальнейшая его судьба также не поддается рациональному анализу. Как пытаются объяснить старожилы, «или расплавился, или что». Во многих селах сохранились воспоминания о людях, пытавшихся спасти святыни. В Соколово «Тема Костенков был, он крест смог схватить, вытащить. Крест большой, к которому люди ходили прикладывались. Он его спас, домой принес. Мать моя ходила к нему молиться». В с. Фоминском Бийского района «нужно было снять колокол. И все боялись. Один тут герой нашелся: «Чего вы тут стоите. Я сейчас». И кувалдой полез его разбивать. Как размахнулся — и упал на землю. Вмятку [разбился]. Но колокол потом все равно сняли».

Самостоятельный информационный пласт представляют рассказы о чудотворных иконах и об их чудесном возрождении. В с. Буланиха при разрушении церкви старожилы были спасены (как и повсеместно на Алтае) многие иконы: «Ряд икон были жестянными. Одну из них использовали для накрытия воды. Она сильно потемнела, и потерялись лики. Непонятно, что это за икона. Когда стали восстанавливать церковь, ее унесли, она стала очищаться, проявлялись краски, и все увидели святых Кирилла и Мефодия, которые несли образ Святой матери». Для местных краеведов и школьников важно собрать материалы о сохранившихся иконах. В с. Соколово называют имена тех у кого они хранились и к кому ходили молиться, например: «Маруся Демина, у нее икона «Вознесение», «Божья мать» вдвоем с кем-то». В с. Усятском у Пивоварова оказалась икона из церкви. В с. Шубенка Зонального района колокола снимал Н. Третьяков: «Залез на колокол и прямо оттуда бросал — какие разбились, а какие нет. Колокола и какие полные иконы отвезли в Бийск. Некоторые иконы люди смогли забрать домой». Так, брат Е. И. Вдовиной возил бревна из церкви и одну икону —

Церковь в с. Новиково, ул. Средняя.
2003 г.

Божьей матери — привез домой. У соседки А. Я. Егоркиной тоже была икона из церкви, «от потолка до полу. Икона Божьей Матери с младенцем на руках». Эта икона «ходила по людям». В наши дни, после возрождения храма, спасенные иконы возвращают; там, где нет храмов, иконы хранятся по домам. Как рассказывали в М.-Угренево, «рушили [церковь] коммунисты. Местные помогали. Иконы, кресты порастащили... когда успокоилось, доставали... но потом вернули в новую церковь». Но во многих случаях делали из икон сундуки, табуретки, жгли их, ломали, стали дорожки. Предания о возмездии за поругание икон широко распространены на Алтае.

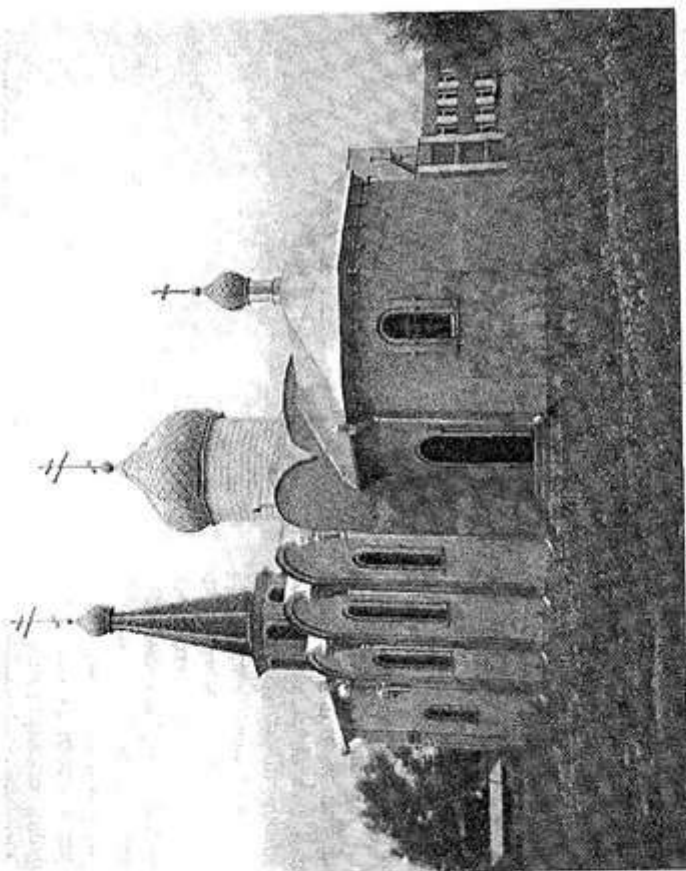
Рассказы старожитов показывают, что в каждом деревенском храме были свои почитаемые иконы, многие из которых становились чудотворными. В М.-Уг-

ренево бытует народное повествование о чудотворной иконе: «Божья Мать Явленая». Она находилась в Троицкой церкви (большая, крашеная, два купола, колокольня; колокол большой был, звонить начинали — в Енисейском слышно)... Тут рассказывают, как она являлась... в ручье. Как ее поймала девочка. В Мельничном ручье, он шел с рудников... Его потом сравняли с землей, когда согрему осушали... Пришла [девочка] купаться, а плаваешь досточка. Это и была икона. Принесли домой. Ее поставили на божничку-то, хватились, а ее нет... Пошли, она опять в реке плавает. И только этой девочке давалась, и никто ее не мог взять. А потом ее понесли в церковь... потом хотели забрать в город... Положили в ящичек, и вот в гору-то стали подниматься — кони не идут. Осталась она в нашей церкви. А когда нашу стали ломать, ее увезли в Покровскую... Когда Покровскую разламывали — выбросили...»

Устная народная традиция создала целый пласт преданий о суровом наказании за надругательство над иконами. Например, в с. Ануйское Смоленского района церковь перестроили в клуб. На одной из клубных вечеринок произошёл случай, о котором помнят старожилы: «Там [в клубе] оказалась икона Николая Угодника. А к одной девке кавалер не пришел, и она говорит: „У меня кавалер не пришел. И с Николаем Угодником буду танцевать“. Смехом она сказала. Как только сказала, повернулась — и так и осталась стоять, и не двинулась, и не разговаривает, и не моргает, и ничего. Столько на этом месте там стояла — день и ночь. Приходили и батюшка, и отпевали, и святтили, и что только не делали. Потом сдвинули ее с места. Но она помешалась. Рассказы показывают, что свидетели разрушения церквей и поругания православных святых втайне ожидали возмездия и были уверены в его неотвратимости. Внутреннее убеждение находило подтверждение в народных историях. В Сроствах у рассказчика такой случай произошёл с двояродной сестрой, которая была наказана за надругательство над иконами: «Когда иконы снимали, то растаскивали их по домам. Да на по-толок — щепали и печь растопляли. Клавке, тетяной дочери, приснился сон: один старичок, Бог, сказал: „Ты, доченька, эти иконы-то по воде отплавь, иначе ты умрешь“. На нее желтуха напала [сразу она не послушалась], и они ночи не спали и отправили иконы по реке. Но Клава все равно умерла. Нельзя было иконами печь растоплять, а они растопляли».

В такой же интерпретации (возмездие за поругание и святотатство) строятся рассказы о разрушении храмов. Судьба церковных зданий была трагична, часть их использовалась под различные учреждения, другие здания были разрушены. Так, в Новиково храм использовался как сушилку (сушили хлеб во время колхозного производства), но большинство храмов Бийского Приобья разбирали на строительные материалы и использовали для строительства школ, клубов, бань. Так, «в Сроствах в церкви клуб был, в войну склады были — зерно ссыпали. Ее разломали и увезли за реку и построили клуб из нее». В Шубенке у Покровской

Т. К. Щеголева

С. Верх-Катунское. Строящаяся церковь (с западной стороны). 2003 г.

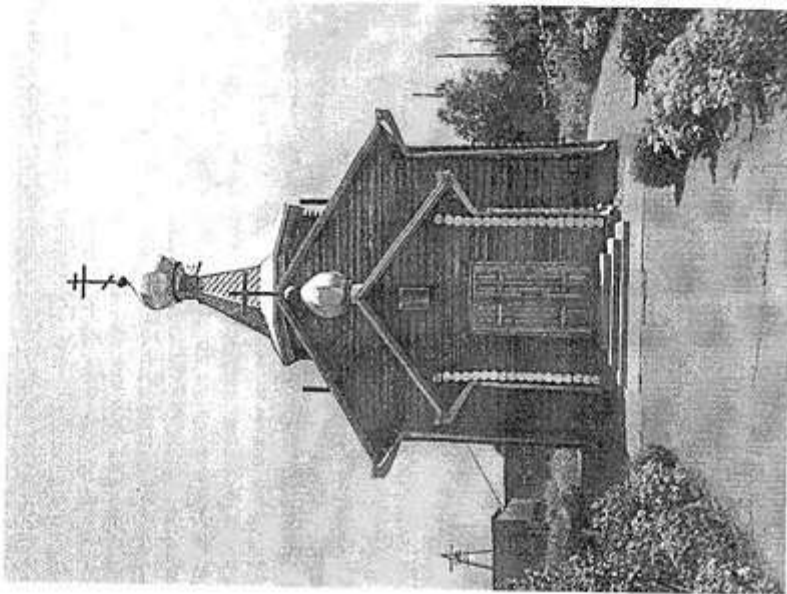
церкви было два колокола: один поменьше (звонил к заутрене), а другой большой. В 1937 г. ее закрыли, и 11 лет она простояла как склад. После Великой Отечественной войны не хватало строительного материала, а надо было строить жилищно-коммунальное помещение, и в 1948 г. церковь разобрали для этой цели. В Усть-Суровском крашеную церковь также раскатали, из бревен построили контуры, а на месте церкви — клуб. Старожилы до наших дней сохранили в памяти внешний облик устьской церкви, которую строили всем сельским миром: «выбрали возвышенное место, не жалели денег на ее внешнее убранство». Церковь в Устьском звали Голубинкой, так как, по описаниям старожилов, «церковь красивая была, на горочке, возвышенном месте. Огорожена узорчатым забором. Церковь была покрашена в голубой цвет, крыша под куполами в позолоте». В народных преданиях Новиково церковь также называют «Голубинка»: «церковь была на камнях, обитая, крашеная, голубого цвета... У церкви была ограда. Высокая, без единого гвоздя... Кругом церкви была сирень. Сначала была сушилка, затем церковь переездили на буторок, перебрали и сделали клуб. Штукатурку стесали, а форма

Церковь Бийского Приобья в 1920–1950-е гг.: устные интерпретации и толкования крестьян

церкви сохранилась. Потом перевезли на скотный двор, на край села. Сделали из клуба конюшню. Много материала сожгли церковного...»

Древнерусская традиция сочетания голубого (сруб) и золотого (или серебристого (куполо) цветов во внешнем убранстве церкви способствовала широкому распространению ласкового названия «Голубинка». В Б.-Угренево «церковь красивая, разрисованная... алтарь золоченый... снаружи покрашена серовато-голубой краской». Сами старожилы отмечали при верженности голубому или, как они чаще говорят, бирюзовому цвету. В Малой Курье «церковь красивая была — Голубинка. Но разрушена, перестроена в клуб. Окрашена кругом березками и штакетником. Были колокола. Они звонили во время тревоги». В Мало-Енисейском «церковь была деревянная, срублена, обшита и хорошо покрашена. Церковь бирюзовая. Забор красивый. Или как металлический или штакетник. Три купола, колокольня. Колокола по всей Пасхе звонили». Колокольный звон в пересказах людей выступает как объединяющий голос. Колокола разговаривали со всей округой: в Мало-Угренево «колокол большой был, звонить начинали — в Енисейске слышно было». В густонаселенной Енисейской волости колокольный звон являлся своеобразной переключкой соборов.

Самостоятельными сюжетами в народных преданиях являются события, происходящие на месте разрушенных церквей и соборов. В представлениях воцер-

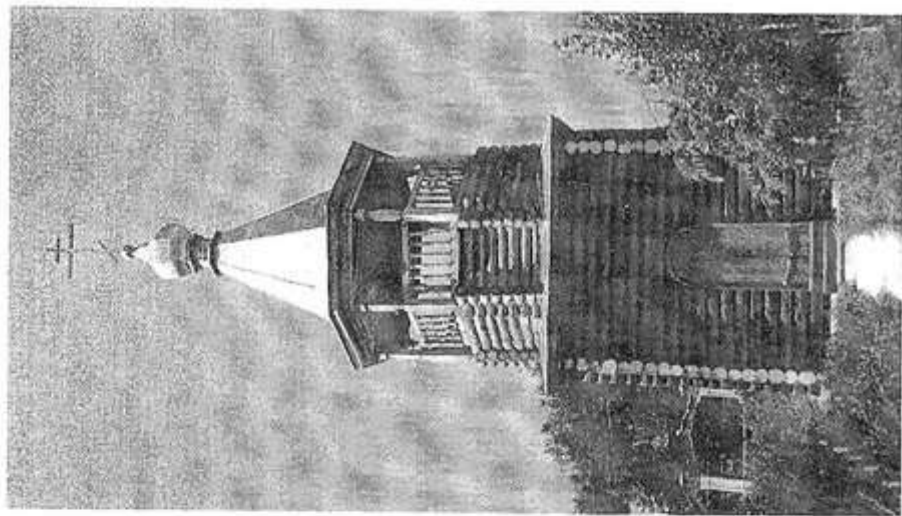
Церковь в с. Мало-Угренево, 2003 г.

на, перестроена в клуб. Окрашена кругом березками и штакетником. Были колокола. Они звонили во время тревоги». В Мало-Енисейском «церковь была деревянная, срублена, обшита и хорошо покрашена. Церковь бирюзовая. Забор красивый. Или как металлический или штакетник. Три купола, колокольня. Колокола по всей Пасхе звонили». Колокольный звон в пересказах людей выступает как объединяющий голос. Колокола разговаривали со всей округой: в Мало-Угренево «колокол большой был, звонить начинали — в Енисейске слышно было». В густонаселенной Енисейской волости колокольный звон являлся своеобразной переключкой соборов.

Самостоятельными сюжетами в народных преданиях являются события, происходящие на месте разрушенных церквей и соборов. В представлениях воцер-

ковленного человека эти места являются особыми в силу своей «намоленности». Кроме того, при каждом храме формировалась усыпальница-кладбище священников, монахов, послушников. В силу этого места под церковными комплексами считались святыми (освященными) местами, и их использование в советское время под культурно-бытовые предприятия или для проведения культурно-массовых праздников воспринимались как святотатство. В Б.-Угренево с осуждением говорили, что «на том месте (церкви) танцевали, там были „тырла“ [места уличных вечеринок молодежи в 1930-е гг.]». Вечорки, по рассказам старожилов, собирались как раз на месте прицерковного кладбища, где по православной традиции покоились служители большеугреневской церкви, а сами танцы проходили у большого камня, под которым была схоронена попадья: «где попадади могила, устраивали „тырло“, не боялись. Камень потом трактором под гору».

Во всех народных рассказах о поругании церковной территории наказание постигнувших на нее. Так в Сроствах «парень купил место, где была церковь разрушена, и построил себе хату. Умер уже». В Буланихе, по словам старожилов, когда ломали стены церкви, бревна не разделялись, хотя она была построена без гвоздя. Позже на ее месте часто пахло ладаном, «его запах чувствуется до сих пор». Сельчане не стали застраивать это место. Сейчас на нем поставили крест и положили плиту с именами похороненных в церковной ограде священников, а под временную церковь

Колокольня церкви в с. Мало-Угренево, 2003 г.

отдали здание купеческого магазина, стоящего рядом. В рассказах старожилов Бийского Приобья появились и новые участники — комсомольское поколение, которое не уважало чувств верующих. Показательно описание старожилками использования здания новиковской церкви: старое поколение (более консервативными в своих взглядах являлись женщины) сохранило отношение к нему как к собору; молодежь — быстро отказалась от соборного предназначения здания. Такое отношение развелось по разные стороны старое крестьянское и новое советское поколение: молодые «в клубе [здании церкви] танцуют и поют, и бабушки идут молиться». Распространенным сюжетом, связанным со святостью места или здания, которое занимала церковь, являлись видения. Так, в с. Ануйском Смоленского района в клубе, построенном на месте церкви, «когда заканчивались пляски, в 12 часов ночи выходит женщина и плачет, и все предполагали, что это божья матушка приходила на это место и плакала».

В крестьянском сознании и народной памяти существует огромный пласт воспоминаний, ставший уже преданиями о наказании людей за участие в разрушении православных храмов, в поругании православных ценностей. Устноисторическая форма этих преданий в разных местах одинакова и отражает традиции устного народного, в том числе фольклорного творчества. *Завязка* — рассказ о жизни сельского прихода и принятии решения о разрушении храма. *Кульминация* — разграбление церкви, разрушение колокольной, сбрасывание крестов и колоколов, сожжение или уничтожение икон. *Развязка* — возмездие, которое касалось как самих разрушителей — гибель, неизлечимая болезнь, — так и тех зданий, для которых использовался строительный материал: несчастия, пожар и т. п. Так, Е. И. Вдовина сказала о разрушении Покровской церкви в 1948 г. в с. Шубенка Зонального района: «Кто ломал, тех Бог наказал: у кого глаза не глядят, у кого ноги не ходят».

Во всех преданиях участвуют две силы (два участника), которые противостоят друг другу: «разрушители» и «безмолвствующая толпа». В народных историях первая сила — разрушители, среди которых называют коммунистов, комсомольцев, военных, учителей — трактуется неоднозначно. Среди них встречаются как убежденные противники церкви, так и сомневающиеся и даже осуждающие происходящие события, но участвующие в разрушении храмов из-за страха, из соображений карьеры, по долгу службы и т. д. Но независимо от причин участия их настигало возмездие. Например, участники уничтожения церковных книг в Усятском были «наказаны огнем»: «был случай, когда церковные книги жгли — кто-то обжегся здорово».

У респондентов для характеристики каждой из участвующих сторон сформировались свои оценочные речевые стандарты, с помощью которых они противопоставляются в устной речи. Главными действующими лицами в устных источниках выступают и та, и другая сторона (взгляд на них со стороны рассказчи-

ков), в некоторых случаях — сам рассказчик (взгляд изнутри). В последнем случае рассказчиком дается самооценка, которая отражает внутренние установки и представления. Например, одна из рассказчиц отразила собственную позицию (как представитель толпы) и отношение к антирелигиозной агитации разрушителей: «Коммунисты ходили и спрашивали: „Какая твоя вера?“ А я говорила: „Я верила и буду веровать в бога!“ А они: что я в нем нашла? Отговаривали. Коммунисты не верили. И запрещали верить. Людей заставляли рушить по приказу коммунистов» (Малая Курья). «Власть заставляла разрушать церкви!» (Сростки). Таким образом, в устных повествованиях представители «толпы» являются жертвами ситуации. В Сростках «после запрета веры в церкви сделали танцплощадку и фойе. Иконы сгрузили в сельсовет и увезли в Бийск. Советская власть говорила: „А ты за бога? Ты в бога веришь? Ах ты мазурик!“ И этого человека обходили, так как он в бога верит. Народ не протестовал, многие вымерли. Кулаков расстреляли, может быть, они верили». Среди героев рассказов были те, кто нашел силы сохранить свою веру и не запятнал себя святотатствами, и те, кто подчинился силе. Народная молва одновременно и осуждает их за душевную слабость, и сочувствует им, учитывая обстоятельства. Это проявилось в устном источнике, записанном в Б.-Угренево: «Когда в селе церковь разбирали, то были те, кого заставляли. Одного из таких, Илью, парализовало, а другой погиб». При чем обстоятельства гибели в рассказе предполагают либо наказание свыше за участие в разрушении, либо самоубийство как раскаяние за содеянное: «Матвей Саламакин дома лежал. Один. Ружье взял. Думал, что не заряжено. Оно заряжено. Выстрелил. Сразу после разрушения застрелился».

Вместе с тем прихожане отнюдь не являлись безмолвными свидетелями. Их поведение в описании старожилов отражает неприятие происходившего: ропот, отказ от участия в действиях. Зафиксированные случаи открытого протеста (крестные ходы, покушения на разрушителей) немногочисленны. В основном протест был пассивным. Рассказы старожилов позволяют определить причину пассивного неодобрения. При огромном эмоциональном ударе, который они испытывали при виде разрушенных святынь, крестьяне считали, что наказание за такое кощунство не их дело, а — самого Господа. Как сказала Е. Н. Ковалькова (М.-Угренево, 1930 г. р.), «бог наказывает, кто церковь курочил, корежит их». Старожилы убеждены, что наказание неотвратимо. Об этом говорят предания о судьбе разрушителей. В Новиково «снял купола Филипп Лахов. И он оттуда как шандарахнулся! Сразу же упал с церкви. И у него рак приключился. Все из-за вонючих. Много их было, командовал один, и его Господь наказал». В Б.-Аникино колокол «сняли вручную — человек 20 было — через веревку снимали. Оторвалась веревка, он целый был, но его увезли на расправку. Говорили, что бог наказал человека — он чокнулся». В Б.-Угренево «колокол упал, вошел в замерз-

шую землю. Ломал Пономарев, местные... Крест был на куполе. Один из разрушителей, когда снимали крест, провалился, разбился».

Анализ устных источников позволяет выявить особенности народной истории, отражающей крестьянское мировоззрение. Так, записанные в Соколово истории о разрушении церкви позволяют реконструировать этапы борьбы советской власти с церковью. Первым этапом являлись 1920-е гг., когда отделенная от государства церковь существовала за счет поступлений от прихожан и должна была выплачивать государственную пошлину. А. С. Рыбникова так рассказывала об этом периоде: «Церковь в Соколово закроют, народ откупит. Опять сколь послужит, опять закроют. Однако еще до колоколов закрывать стали. Потом-то [1930-е гг.] подкупать стало нельзя. Она стояла закрытая». Это подтвердил и Г. Л. Шаров: «Церковь два года стояла закрытая. Потом ее сожгли». Устная молва основывалась на констатации факта и отражала своеобразную социально-культурную ситуацию 1920-х гг., в которой она формировалась: массовую безграмотность (не читали газет) и характерную для традиционного общества апатичность (не интересовались политикой и государством). На этом этапе в борьбе с церковью преобладали экономические и политические методы; террор и преследования не являлись массовыми. Имели место отделение церкви от государства, лишение ее права юридического лица и т. д. Последнее обстоятельство позволяло заключать договоры о ремонте церковных зданий только индивидуальным с членами приходов, которые подпадали под статью о частном предпринимательстве, что влекло за собой резкое повышение налогообложения.

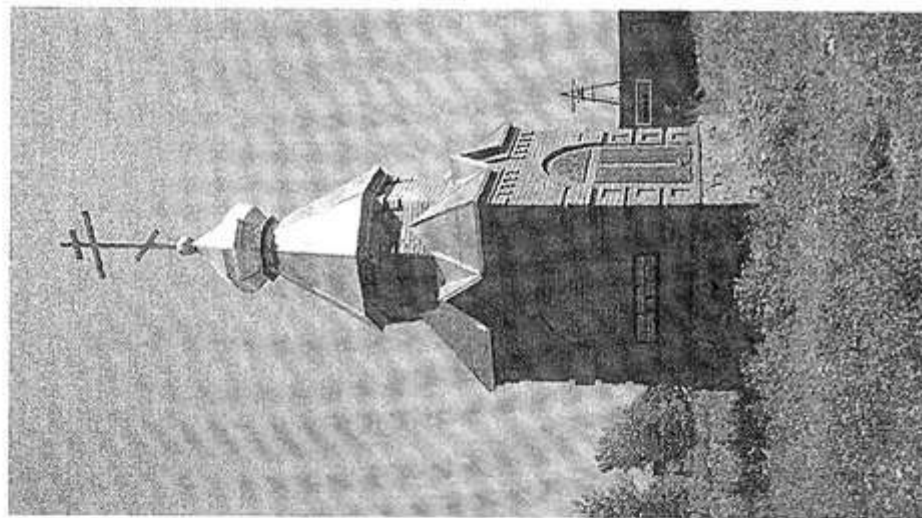
Второй этап – 1930-е гг. – был связан с репрессиями против священников и разрушением церковных зданий. В СССР массовая ликвидация церквей «силовым порядком» была заявлена в 1928 г. На Алтае уже к концу 1928 г. появился документ «Итоговая сводка голосовавших за снятие колоколов и закрытие церквей в Барнауле» [7]. Большие надежды возлагались на «Союз воинствующих безбожников» (СВБ), образовывались его ячейки в городах и селах края. Через общественные организации велась антирелигиозная пропаганда. Законом от 8 апреля 1930 г. была упрощена процедура закрытия церквей, право окончательного решения вопроса предоставлялась областной и краевым советам. Сущность назвавшейся компании отражала известная статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов», критиковавшая некоторые методы на местах: «Решительно прекратить практику закрытия церквей в административном порядке, фиктивно прикрываемую общественно-добровольным желанием населения. Допускать закрытие церквей лишь в случае действительного желания подавляющего большинства крестьян и не иначе, как с утверждения постановлений сходов областными исполкомами. За издевательские выходы в отношении религиозных чувств крестьян и крестьянок привлекать виновных к строжайшей ответственности» [8]. Но с середины 1931 г. начался новый и более массовый этап закрытия храмов с

упором на административный диктант: в 1931 г. на Алтае закрыли 17 церквей, в 1932 г. – 11, в 1933 г. – 15, в 1934 г. – 33, в 1935 г. – 44, в 1936 г. – 39, в 1937 г. – 27, в 1938 г. – 82, в 1939 г. – 80 [9].

Лишь ряд церковных зданий устоял в период массовых разрушений. В частности, в с. Савиново, по словам А. Е. Лель, в годы Великой Отечественной войны «церковь стояла закрытой, не работала. Старые ходили вокруг нее, потом ее открыли (в годы войны, как известно, И. В. Сталин дал послабление православной церкви. – Т. Щ.), потом ее опять закрыли. Она старая была, надо было ремонт делать». Разобрали ее в 1950-е гг.: «Сельсовет дал распоряжение. Сделали клуб. Потом клуб развели. Рабочих нанимали, а они деньги пропили».

Среди разрушенных в 1930-е гг. храмов церковь в Соколово – сожгли (старожилы называли три даты – 1932, 1934, 1935 гг.): «бутылки с бензином в нее кидали, потом огонь бросили». Практически каждая из указанных дат могла быть правильной. Устная па-

мять не «дружит» с датами, в устных источниках часто встречается фактологический разнобой, так как событийный материал искажается в памяти старожилов за давностью лет. А вот воспоминания старожилов о судьбе разрушителей отражают представление крестьян о возмездии за поругание православных святых, божотборцами. Решение о поджоге в Соколово, по свидетельству старожилов, «бы-

Часовня – памятник погибшим в годы Великой Отечественной войны. С. Мало-Угренево. 2003 г.

ло принято на каком-то собрании». Поджигателями церкви называют Василия Бекельмешева и Е. И. Симонова, «им нашлись помощники», М. В. Макрушин рассказывал: «Три комсомольца заглигли ее, нагадили там». Возмездие для них наступило быстро: «Один, который поджег, до дому добежал, в избу не успел забежать, около крыльца упал, его всего перекорезило и тут прям умер. Перекорезило так, что не могли его хоронить... руки, ноги ему ломали, чтобы в гроб его сложить. Вот тут или бог его наказал, или его самого перекорезило с испугу». О наказании другого (отречение и проклятие отца) рассказала В. Н. Шадрина: «Сжег Бекельмешев Василий и Дедков Степан. Бекельмешев был секретарем поставета, а Степан был старостой, что ли, богомольный был, а почему сделал, не знаю. Говорят по народу, что Дедков направлял жену. Дедков умер в глубокой старости, а Бекельмешев молодым. Когда ему сделалось плохо (после возвращения домой. — Т. Щ.), он отцу признался, тогда тятей звали. Вот он и говорит: тятя я сжег церковь. А отец как сидел на печи, так и сидел, пока он (сын, поджигатель. — Т. Щ.) не умер... схоронили... похоронная процессия прошла, до тех пор с печи не слез».

В рассказах о разрушении церквей интерпретация событий позволяет выявить сложное отношение современных (постсоветских) крестьян к вере. За внешней бравадой может скрываться страх за возмездие, за внешним неверием – вера или внутренняя раздвоенность, за отрицанием бога – его присутствие в сознании и поведении человека и т. п. Латентная (скрытая). – Т. III) информация содержится в особых речевых построениях рассказчика. Респондент из ж. Соколово комментирует паралич разрушителя церкви. «Один, который под- жег, до дому добежал, около крыльца упал, его всего перекоरेжило. Вот тут или бог его наказал, или самого перекорежило» [10]. В последней фразе проявилась раздвоенность: с одной стороны – ценности, которые человек получал от новой власти в результате советского воспитания, с другой – генетическая память и православная традиция, которая в советский период поддерживалась и воспроизводилась старшими женщинами, выполнявшими роль воспитателей в семье. Во всех рассказах присутствует информация о попытках старшего поколения, прежде всего женщин, как хранителей очага, продолжить воцерковленную жизнь с помощью «знающих людей», «бабушек». В Сроствах «после переоборудования церкви старики собирались в доме молиться и молились». Это показыва- ет, что полного уничтожения традиционного религиозного мировоззрения не произошло, оно существовало параллельно с культивируемым атеизмом и сы- грало роль фактора, ускорившего падение советского режима в 1990-е гг. Респон- денты вспоминают, что «родители только в бога верили, и даже когда запреща- ли. К маме приходили с иконами молиться... В Иванов день приходили молить- ся...» (М. Утренево). Сельчане 1930–1940-х гг. р. рассказывали, что, несмотря на запрет религии в советское время, тайные молились: «Молюсь. Молитвы чи-

«...так... мать приучила с детства...» У старшего поколения сложились свои объяснения разрыва бога и современных людей. По их мнению, слишком большой грех накопился в современном российском обществе, и он отделяет общество от единения с богом: «Есть ли бог или нет, никто не видел и никому не покажет», так как все мы материалистки и не верили ничему. Для восстановления связи необходимо очиститься, как говорят старожилы, «покаяться». Сохранение мозельной традиции благодаря деятельности старшего поколения способствует современному возрождению православия.

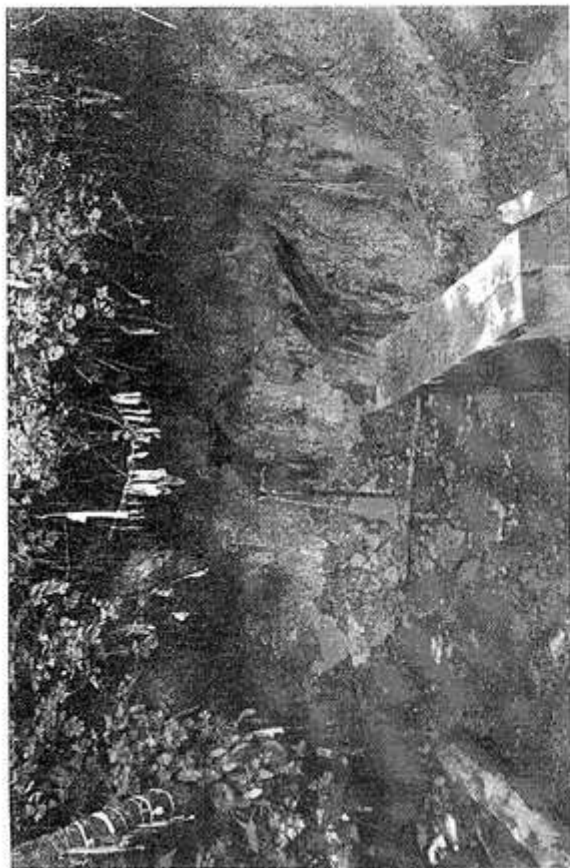
Отказ от православных норм жизни, отказ от веры, несоблюдение религиозных праздников сельское население в устных источниках относит к проявлению осуждения. Повсеместно бытует сюжет о наказании женщин, которые трудятся по православным праздникам или в воскресные дни — например, о женщине, которая стирала в воскресенье белье в тазике. Зашедший в гости старец-странник порицал ее за это, но она не послушалась. А когда он ушел, руки ее превратились в копыта. В с. Лесном Бийского района рассказали предание о наказании одного коммуниста, который не признавал православные праздничные традиции. События происходили в с. Ануйском Смоленского района в Великую пасху: «Один председатель был у нас, и была у него мать, и подходит она и говорит, что надо ребетёшкам яички покрасить... наверное, все красят. А он ска- зал: „Не вздумай красить яйца!“ Он был председателем и коммунист. Ему нельзя было. Но ребетёшкам охота было. Да и другим будут завидовать. Вот он ушел на работу, и она покрасила яйца и не хотела ему показывать. Выкрасила яйца — и в чашку на столе. Он заходит и говорит: „Это что такое? Я же сказал — ничего не красить!“ Он взял чашку и швырнул ее на пол. И вот в эту минуту его и парализовало. Хоть верь, хоть проверь. Надо на работу выходить, а он не может. Что-то зовало. Хоть верь, хоть проверь. Пошли его заместители, а он и говорит: „О, бог есть!“»

Таким образом, в устных источниках о разрушении церкви и борьбе с верующими воссоздается многомерная картина мира, анализ которой может интерпретироваться разными специалистами, в том числе этнографами, историками, лингвистами. Приведенные примеры показывают, что устные источники России отличаются от зарубежных аналогов наличием значительной латентной информации. В предрасположенности к завуалированной личной оценке значительную роль сыграла политика репрессий против инакомыслящих. Это позволяет утверждать, что в России устная история – понятие более сложное, чем сбор источков, в силу политизированности повседневной жизни, ангажированности общества, идеологизированности повседневно поведения, что позволяет, кстати, говорить об особенностях обыденного сознания русского населения. Кроме того, вследствие своеобразной психологии «приспособленца» для российских respondents особенно характерна известная и в зарубежной практике «тенденция приближения устной информации к общепринятым нормам» в конкретный

исторический момент проведения интервью. А особенностью современного момента является переосмысление прошлого, пересмотр системы ценностей, обращение к традициям. Особенно существенная переоценка произошла в вопросах веры и безверия, отношения к церкви и богу. В этих условиях представления людей меняются. Но это уже относится к характеристике самого устного источника, степени его надежности. Вместе с тем и факт изменчивости может служить объектом изучения. Постоянная изменчивость практики, традиций, жанров, в соответствии с которыми создается, формируется и развивается устное представление о прошлом, обуславливает трудности в работе с устными (впрочем, как и с письменными) источниками и восстановлением «прошлого состояния», но в то же время служит материалом для анализа сознания этноса. По словам Элизабет Тонкин, любые жанры «являются продуктом конкретных временных и экономических условий, реализованных в различных интерпретациях различными аудиториями. Вот эти самые условия быстрых изменений (в данном случае в памяти одних и тех же информаторов сохранилась эпоха православных традиций, их истребления, время воинствующего атеизма, затем реабилитация православия, его возрождение. — Т. Ш.), заставляющих «устных хроникеров» браться за сбор материала, пока не поздно», зачастую дают нам возможность увидеть изменения в динамике». Таким образом, те особенности устных источников, которые для историков являются негативными и создают трудности при их использовании (субъективность, латентность и др.), позволяют этнографам выявить особенности духовной культуры этноса.

Частью устного наследия Бийского Приобья, повествующего о ниспровержении духовных святынь, являются рассказы очевидцев о расправах над духовными лидерами, воспоминания о разгроме монастырей, монастырских коммун, артелей. Их судьбы, как «социальных институтов, чуждых социалистическому образу жизни», была предпринята с 1928 г. Одной из первых жертв стал Тихвинский женский монастырь под Бийском. Основанием для его закрытия стало его соседство с детдомом им. М. И. Калинина, как «очага религиозного мистицизма... и его отрицательного влияния на впечатлительные натуры воспитанников».

Монастырская жизнь всегда возбуждала интерес обывателей к обитателям монастыря. В устной традиции с. Боровое под Бийском до сих пор пересказываются истории с обывательской трактовкой образа жизни монашек. Тихвинский женский монастырь был основан на базе женской общины, учрежденной в 1894 г. и предназначенной для «духовного окормления» русского населения города Бийска и его окрестностей. По ходатайству бийского епископа Макария община указом Святейшего синода от 26 июня 1900 г. была обращена в монастырь. Численность его насельниц с 1897 г. увеличилась к 1916 г. с 98 до 270 человек [11]. Среди них преобладали молодые зрелые женщины, выходящие из крестьянского

«Святой» родник в с. Мало-Утренево. 2003 г.

сословия, хотя близость Бийска способствовала пестроте состава. Молодые девушки обучались грамоте и были здоровой рабочей силой. Хозяйственная деятельность монастыря была разнообразной: уход за больными, хоровое пение, свечное производство, рукоделие, переплетное дело, сельскохозяйственные работы. Вот эта молодость и стала причиной недоверия к их отречению от прелестей светской и плотской жизни. Тихвинский монастырь был ликвидирован в 1920 г. Игуменья Ираида собрала оставшихся насельниц и организовала общину. За ней была оставлена церковь и часть зданий. В 1928 г. монастырскую церковь закрыли, монахинь выселили. Согласно устным свидетельствам, большую часть монахинь впоследствии расстреляли в Бийске возле кирпичного завода. Вместе с ними погибла и настоятельница монастыря Ираида (в миру Раиса Александровна Калугина, вдова священника, окончившая Томскую Мариинскую женскую гимназию) [12].

Ныне из старых построек Тихвинского монастыря сохранились только каменный одноэтажный дом, где была келья настоятельницы, часть деревянного дома, где была трапезная церковь, три деревянных монастырских дома. Но для верующих людей божья благодать не исчезает бесследно. С тихвинским монастырем стали связывать и появление новых «святых ключей», в том числе и под Боровым. Как пишет Ю. А. Крейдун, «территория (которую занимал монастырь) ровная, с северо-запада прикрытая холмистой грядой, как называют ее —

Церковь Бийского Приобья в 1920–1950-е гг.: устные интерпретации и толкования крестьян 69

«горой», рядом реликтовая роща, где вековые деревья хранят тайны монастырских событий, недалеко течет величественная Бия. Но исчезла речка Фурманка, когда-то огнившая ограду монастыря. Как рассказывала, живущая тут же И. В. Молдцова, в 1969 г. было наводнение, река Фурманка исчезла, как и много домов и монастырских построек. Не вышла ли потом речка многими благодатными источниками? Один из таких святых источников сельчане облагородили, установили крест».

В таком же русле трактует народная молва появление других «святых ключей» Бийского Приобья: в районе сел Енисейского, Верх-Бехтемира, М. Ургенево. По словам старожилов, под М.-Ургенево место мельничного ручья, где «поймала девочка икону... сровняли с землей, когда согрею осушали...», а в окрестностях появился ключ. Как рассказывал П. П. Дивитириков, «явленная Божья мать приплыла по реке... когда согрею сушили, целину поднимали, засыпали... святой ключ. Там часовня. Крест стоит». Е. Н. Ковалькова описывает этот ключ: «Там чистая, святая вода. Там у нас иконка и крест стоит, освещенная вода, целебная, ото всего». На сегодняшний день Бийское Приобье изобилует ключами, имеющими в народе названия святых: «освященный источник в М.-Ургенево. Там крест стоит. В Енисейске — много серебра (Серебряный ключ), туда ходят, молятся. В праздник в начале лета ходят. Бабы лечат радикулит. Заходят в воду».

Особую страницу в народной памяти составляют воспоминания о съезжих праздниках и крестных ходах. У крестьян до 1930-х гг. широкое распространение имели престольные (храмовые, съезжие) праздники. В народе их называли «оборочные праздники» (в этот день крестьяне преподносили священнику на содержание причта продукты, зерно и т. п.). Частью престольных праздников были крестные ходы. Особенно яркие воспоминания остались от пасхальных крестных ходов. Как рассказывали в с. Усятское, «на Пасху попы с иконами ходили по праздникам и подносили икону к каждому окну — это знаменем называлось и им подавали... Был крестный ход. Икону Ильи Пророка несли в Енисейское, а на Ильин день опять уносили в Усятское. Участники крестного хода (пришлые) ночевали в деревне, расходились по домам». Съезжие праздники по русскому правoslavному обычаю были посвящены событиям из жизни Христа, Богоматери или святым. В каждом селе был свой престольный праздник, выбранный для «съезда» один из больших православных праздников. Очень часто несколько населенных пунктов (деревень) составляли один приход и имели общую главную церковь в селе. Праздничная служба проводилась в самом селе в дни святого, которому была посвящена церковь. А остальные праздники расписывались поочередно по деревням, относящимся к данному приходу. На них собирались все прихожане: «Церковь была во имя Ильи Пророка в Енисейском. На девятую неделю от Пасхи носили [в Усятское] икону Ильи Пророка, а на Ильин день обротно уносили». В Б.-Ургенево «крестные ходы были, когда долго засуха — соби-

рал пол, старики, старушки и идут на реку с иконами. Было такое, редко, правда, что ходили в Киев».

В заключение необходимо заметить, что в современной сельской среде, несмотря на все идеологические и политические кампании XX столетия, массированное давление на сознание людей, обработку мировоззрения, «традиционализм» и «укоренение привычек» способствовали сохранению народных традиционных представлений, на основе которых в XX в. сформировался самостоятельный информационный историко-культурный пласт в виде «быличек», «преданий», «сказаний». Как и другие аспекты духовной культуры, народной истории, жанры народного творчества живут и существуют только в процессе передачи межпоколенного опыта. Народная информация об антицерковной вакханалии уязвима в силу ее изустной сохранности. Чтобы эта часть историко-культурного наследия могла стать достоянием не только современного общества, но и потомков, нужно ускорить сбор памятников устной традиции [13].

Литература и источники

1. Мезенцев Р. В. Православная церковь на Алтае в 1917–1940 гг.: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 2003. С. 22.
2. ЦХАФ АК. ФР. 1692. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–6; 13–23.
3. Хоффман Алис. Достоверность и надежность в устной истории // Биографический метод: история, методология, практика. М.: Ин-т социологии РАН, 1994. С. 42.
4. Щербинина О. Среди двора стоит престол... // Родина. 1997. № 2. С. 83.
5. Левицкая Е. «Без Господа Бога ни туды и ни сюды...»: Православие глазами современного русского крестьянина // Родина. 1997. № 5. С. 102.
6. Левицкая Е. Народ безмолвствует? Советское богоборчество глазами русского крестьянина // Родина. 1997. № 8. С. 96.
7. Гришаев В. Ф. Реабилитированы посмертно. Барнаул, 1995. С. 124.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. М., 1984. С. 104.
9. Мезенцев Р. В. Православная церковь на Алтае в 1917–1940 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2003. С. 171, 183.
10. Цит. по: Мезенцев Р. В. Православная церковь на Алтае в 1917–1940 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2003. С. 152.
11. Аликсеева А. П. Монастыри Алтайской духовной миссии во второй половине XIX — начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2003. С. 18.
12. Крейдун Ю. А., Скворцова Т. В. Бийский Тихвинский женский монастырь // История православия на Алтае. Барнаул, 2001. С. 42.
13. Интервью старожилов: Енисейское: Чувашева В. И., 1924 г. р.; Александрова М. И., 1919 г. р.; Б.-Ургенево: Плотицын И. Г., 1921 г. р.; Зяблицкий С. И., 1917 г. р.; Новокрещенова А. А., 1922 г. р.; З. А. Нагибина, 1934 г. р.; Оксфордская О. Ф., Рожков В. М., 1940 г. р.; Сростки: Новоселов И. Г., 1925 г. р.; Филиппов В. К., 1927 г. р.; Остаников М. П., 1932 г. р.; Усятское: Ситкина П., 1919 г. р.; Чернышева А. И., 1927 г. р.; Саткина Пелагея, 1910 г. р.; Чернышова Е. М., 1906 г. р.; Лесное: Миронова А. К., 1934 г. р.; М.-Ургенево: Шенн А. А., 1925 г. р.; Ковалькова Е. Н., 1930 г. р.; Ноевское: Золотухина П. Д., 1919 г. р.; Савин Н. А., 1930 г. р.; М.-Ургенево: Руданова А. М., 1928 г. р.; Трофимова С. М., 1924 г. р.; Б.-Анжико: Юрлов А. Н., 1925 г. р.; Шубенка: Михалева С. М., 1918 г. р.; Струкова Г. Ф., 1929 г. р.; Мало-Енисейское: Александрова М. И., 1919 г. р.; Савинова: Лель А. Е.; Соколово: Рыбникова А. С., 1909 г. р.; Шарамов Г. Л., Макарушин М. В., Шадрин В. Н.

Документальные источники ЦХАФ АК¹

О ликвидации церкви в с. Ново-Михайловка

ЦХАФ АК. Ф. 834. Оп. 4. Д. 719.

Село Н.-Михайловка

17.VII.1934–27.VII.1936

Выписка из протокола заседания красной комиссии по вопросам культа при президиуме Запсибкрайисполкома за № 11-36 от 9.IX.1936 г., утвержденного 14.IX.1936 г. № 1626

Слушали: ходатайство Бийского райисполкома о ликвидации церкви в пос. Ново-Михайловка.

Постановили: учитывая, что здание церкви с 1932 г. пустует, охрана имущества и самого здания отсутствует, ближайшая церковь от с. Михайловки в 8 км., большинство трудящихся п. Н.-Михайловки решило церковное здание передать под школу (избирателей – 308 чел., голосовало 240 чел.), ходатайство Бийского райисполкома удовлетворить, молитвенный пункт ликвидировать, здание церкви передать сельсовету для использования его на культурно-просветительские цели.

Председатель краевой комиссии по вопросам культа М. Гутин. Члены комиссии: Дмитров-Здоров, Озолин. Секретарь М. Воробьев.

Президиум Западно-Сибирского Краевого Исполнительного Комитета.

От Бийского райисполкома

Докладная записка.

Постановлением Президиума Бийского Районного Исполнительного Комитета от 14.VII.1935 г. возбудило ходатайство перед Президиумом Крайисполкома о ликвидации молитвенного здания в поселке Н.-Михайловке Плешковского с/совета Бийского района.

Причиной ликвидации молитвенного дома в поселке Н.-Михайловке послужило следующее:

а) Неиспользование верующими молитвенного дома с июля 1932 г., охрана как имущества, не находящегося в молитвенном доме, так самого здания совершенно отсутствовала.

б) Население села Н.-Михайловки коллективизировано на 95%, абсолютное большинство трудящихся решило ликвидировать молитвенное здание (все материалы о ликвидации направлены в Крайисполком в 1935 г.).

Оставшаяся часть (несколько человек), верующих, которые могут посещать церковь села Плешково, находящееся в восьми километрах от поселка.

Принимая во внимание рост культурного уровня трудящихся, что послок Н.-Михайловка остро нуждается в школе, молитвенное здание переоборудовано в школу, в которой учатся дети.

На ваш запрос от 29.VI с. г. № 22412 сообщаем, что религиозной общины с 1932 г. не существует, и поэтому справку подтверждения не использования молитвенного здания

¹ Документ найден и подготовлен к печати студенткой исторического факультета ВПУ С. Кортовой. Приносятся в сокращении.

от религиозной общины выслать не можем. Избирателей в пос. Н.-Михайловка 308 чел., которые все являются членами колхозов.

Размер молитвенного здания: длина 12 метров, ширина 7 метров, высота 3 метра, сведений о налоговой оценке молитвенного здания за 1928–1929 гг. не имеем.

Ответ: секретарь РИК'а Миронов. Зам. зав. орготделом РИК'а Костинова 23.VII.1936

Райисполком гор. Бийск.

В дополнение к имеющемуся у нас материалу по ликвидации церкви в с. Н.-Михайловке Плешковского сельсовета Крайкомиссия просит выслать следующие материалы:

а) Сколько имеется избирателей в населенных пунктах, обслуживаемых церковью.

б) Налоговая оценка церкви за 1928/29 гг., размер ее, имеется ли задолженность за религиозной общины.

в) Представить проект переоборудования, план использования, схему расходов и наличные средства в с/совете на переоборудование.

г) Чем подтверждается неиспользование церкви верующими в 1932 г. (желательно иметь справку от религиозной общины).

Все материалы снабдите обстоятельным докладом.

26.06.1935 г. И. О. ответ. секретаря Крайисполкома по вопросам культа Воробьева

В Зап. Сибирский исполком (Комиссия по делам религиозных культов)

Религиозной общины с. Плешковского Бийского района

Заявление.

17 октября 1934 г. здание нашего храма по акту согласно постановлению Бийского РИКА от 14 октября 1934 г. занято под ссыпку хлеба (овса) сроком на 2–3 месяца. Вот уже пошел 3-й месяц, а об освобождении нашего храма ни слуху ни духу – тогда как из народного дома нашего же села частично начали выгружать хлеб.

Но согласно постановлений зданий, храмов засыпались, в крайней нужде, а из этого по нашему сообщению должно быть и то, что здание храма должно первым освобождаться и во всяком случае не позже срока, указанного в акте. А поэтому мы просим комиссию воздействовать на кого следует, чтобы здание нашего храма было освобождено к 17 января 1935 г.

В крайнем случае с 1 января 1935 г. община по этому поводу будет вынуждена обратиться во ВЦИК. Если община не правильно судит – просим разъяснить прилагая гос. пошлины в 5 р. (гербов пятирублевая марка) и почтовых марок на 40 коп. – просим прислать нам законник на этот предмет разъяснения.

19 декабря 1934 г.

Выписка из протокола № 17 собрания граждан с. Н.-Михайловка, состоявшегося 16.XII.1934 г.

Присутствовало избирателей – 200 человек. Под председательством Шишкина. Секретарь Белозерцева.

Повестка дня: О передаче церкви в распоряжение колхоза «Ленинский путь».

Постановили: церковь передать в распоряжение колхоза «Ленинский путь».

Выписка из протокола № 10-35 заседания краевой комиссии по вопросу культа при Запсибкрайисполкоме.

Новосибирск 15 июля 1936 г.

Слушали: В ходатайство Бийского райисполкома о ликвидации церкви в с. Фоминском.

Постановили: Учитывая, что религиозная община оказалась от дальнейшего содержания церкви за неимением доходов в силу малочисленности общины, что за общиной числятся задолженность по налоговым и страховым платежам за 1934, 1935, 1936 годы, в сумме 4 440 р. и принимая во внимание ходатайство большинства избирателей Фоминского сельсовета (87,5%) о закрытии церкви, а также учитывая, что ближайшая действующая церковь находится на расстоянии 7 км в с. Савиново, церковь в с. Фоминском считать ликвидированной, здание передать Сельсовету для использования под клуб.

Обязать Райисполком выслать в Крайисполком проект переоборудования помещения и справку о наличии или источнике получения средств, необходимых для переоборудования.

Председатель Краевой комиссии по культурам М. Гуглин.

Выписка из протокола № 5 вноскового заседания Президиума Фоминского с/совета, состоявшегося 9 февраля 1936 г.

Решали § 3 утверждение решений секций строительной и культурной.

В прениях выступили следующие лица:

Долматов говорил, что церковь не приносит никакой пользы, а поэтому ее нужно использовать под клуб.

Пашков говорил, нужно провести по всему селу подписи о передаче церковного здания под клуб. Поручить активистам села.

Панев говорил, что нужно учесть культурные нужды села, а церковное здание стоит мертвым и бесполезным.

Шутов Николай, что это работа ведется уже давно. Нужно добиться 100% подписки об отказе от церкви. Поручить эту работу закончить более авторитетными лицами.

Долгих говорит, что церковь приходит в ветхость. Последняя никем не охраняется, от которой религиозная община отказалась. Страховой платеж не платится никем. Если несчастный случай, то страх. премий за церковь не получили.

Ягодин говорит, что все в нас самих, особых постановлений выносить не будем. Руководители церкви от содержания последней отказались, а поэтому нужно среди населения провести массово-разъяснительную работу.

Постановили: Решение секций утвердить, а также наряду с этим решением религиозной общины ходатайство об отказе от церкви утвердить. Провести подписку о передаче церкви под клуб.

П. П. Председатель с/совета Ягодин

Устроить из нее клуб.
17.VII.1939 г.

Протокол рассмотренного заседания правления артели «Ленинский путь» Плеховского с/совета. 9 июня 1935 г.

Повестка дня: О постройке школы в пос. Н.-Михайловке.

Слушали: докладчик Пахомов подробно информировал присутствующих о необходимости постройки в поселке новой школы ввиду того, что имеющиеся помещения не смогут удовлетворить потребности поселка.

Постановили: к постройке новой школы приступить не позднее 15-го июня, просить РИК дать разрешение на слом молотного дома с расчетом использования такового как строитель. Ответственным за постройку школы выделить члена артели тов. Уварова Павла.

О ликвидации церкви в с. Фоминское

Фонд 834. Оп. 4. Д. 723.

27.IV.1936-15.VII.1936

Крайисполком. Комиссия по вопросу культа при президиуме Крайисполкома.

Секретариат Райисполкома препровождает материалы на закрытие церкви в селе Фоминском Бийского района.

Сообщаем, что с. Фоминское коллективизировано на 95,71% избирателей (287) человек. Расстояние до ближайшей церкви с Савинского 7 км.

Ответ. секретарь РИК Проскурин. Зав. орготделом Косынова

Западно-Сибирский Краевой Исполнительный комитет Советов

Комиссия по вопросам религиозных культов при президиуме.

г. Новосибирск 25 июля 1936 г.

Бийскому Райисполкому

Прилагаю при этом выписку из постановления Краевой комиссии по вопросу культа при Крайисполкоме от 15 июля 1936 г. № 10-35

Краевая комиссия предлагает объявить в содействии с указаниями ст. инструкции Центральной комиссии о проведении в жизнь законодательства о культах от 16.01.1931 г. (бюллетень культ. № 2) расписку составившее решение заинтересованному религиозному обществу. Если со стороны верующих в 15-ти дневный со дня объявления срок жалоб и претензий на имя ВЦИК-а подано не будет (ст. 37 и ст. 44 закона религиозных объединений и ст. 59 и 66 указанной выше инструкции), то наделжит произвести ликвидацию культового имущества в порядке указаний ст. 40-ой постановления ВЦИК-а от 28.IV.1929 г. ст. 67 инструкции от 16.01.1931 г., а здание культа передать в пользование под клуб. В противном случае здание церкви и культовое имущество до рассмотрения жалоб ВЦИК-ом согласно указанным законам должны остаться в пользовании верующих.

Протокол общего собрания членов колхоза Др. Май Фоминского с/совета состоявшегося 14/II/1936 года на собрании присутствует 268 человек, а всего 270 человек.

Повестка дня: О задолженности Фоминской церкви и дальнейшее ее содержание. Слушали доклад Лаврова и Коростелова.

Числящаяся задолженностью за церковной общиной, которая числится с 1934 г., следующие:

Култ. сбор — 480 руб.

Подходный налог — 480 руб.

Штраф за несвоевременное предоставление декларации — 200 руб.

Налог со строения — 420 руб.

Страх. платеж за 1934 г. — 1 300 руб.

за 1935 г. — 1 300 руб.

Итого: 4 400 руб.

Данная задолженность не покрывается, церковь не работает, здание пустует и разрушается, имеющиеся в ней ценности не охраняются, что является опасностью в части хищения, чем самым может нанести убытки и создать уголовное дело, где уже были случаи взлома двери.

Кроме этого неуплата задолженности также имеет разрыв доходной системы с бюджета и задолженность по обязательным гос. платежам.

Кроме этого здание церкви как снаружи, а также и внутри разрушается, печи развалились, окна побиты, а поэтому с/совет при таком состоянии данной церкви работать допустить не в коем случае не может, вследствие противопожарного состояния, поскольку вблизи находятся строения школ.

Согласно Наказа избирателей новому состоянию Фоминского с/совета по плану строительства 11 точек, в том числе построить клуб, принять во внимание наше состояние по тягловой силе, со строительством справиться очень трудно и здание необходимо передать в ведение с/совета для переоборудования ее на клуб, что сократит расходы средств и облегчит нашу тяговую силу.

Выступления колхозников

З а и щ е: если мы будем выплачивать задолженность 4 400 руб., то на эти средства мы преобразуем здание церкви на клуб, и клуб нам необходим.

К а з а н и а, 60 лет, говорит, что мы уже ходили в церковь 4 года и разницы от этого нет никакой и церковь пустует. Я согласна передать ее с/совету под клуб.

В а л и е в, 63 года. Я тоже согласен церковь передать, чем ей пустовать, и от попов мы видим только обман.

Г о л о с а: передать церковь под клуб.

Ж д а н о в а: говорит, что за неимением культурного учреждения наша молодежь не находит себе места, где бы она провела культурно время и получила веселое развлечение.

М а к а р о в: говорит о том, что здание церкви разрушается и растаскивается и что мы этого допустить не должны. Поэтому церковь нужно передать в ведение с/совета для постройки ее на клуб.

Ст р к о в: говорит о том, что здание церкви построено нами и мы на ее убивали свои средства. Мы ее должны переоборудовать на клуб.

П о с т а н о в л е н и е: С решением президиума церковного совета о передаче церкви в ведение Фоминского с/совета согласиться, последнюю передать в ведение с/совета для переоборудования под клуб и просить районные организации утвердить.

Президиум: Кузюлов, Селезнев, Долгих

Н. С. Грибанова

Кустарные промыслы населения Бийского района в первой половине XX в.

Развитию кустарных промыслов на юге Западной Сибири способствовало наличие сырьевой базы: богатые природные ресурсы, развитие земледелия и скотоводства, а также слабое развитие фабрично-заводской промышленности. Значительный рост промыслов, по мнению исследователей, наблюдался в конце XIX — начале XX вв. в связи с увеличением численности населения Алтайского округа в результате активного переселения крестьян из Европейской России. Среди переселенцев был значительный процент крестьян, владеющих навыками промыслового труда, что при сложном экономическом положении (отсутствии достаточных денежных средств, худшие земли или отсутствие наделов) позволяло им быстрее устроиться на новом месте и обзавестись хозяйством. Так, по итогам обследования 1898 г. хозяйства Барнаульской и Бийской волостей, промыслы давали основной доход непричисленным переселенцам без приемного договора, не имеющим посева [6, с. 2].

В начале XX в. происходит распространение ранее существовавших промыслов и возникновение новых, в том числе среди старожилов населения. Старожилы не только учились у переселенцев новым видам деятельности, но и перенимали прогрессивные способы производства в уже известных отраслях. В целом в Томской губернии с 1910 по 1914 гг. число промысловых хозяйств почти удвоилось, а число людей, занятых в промыслах, увеличилось более чем в три раза [1, с. 34]. В Бийском уезде в 1914 г. насчитывалось 2 900 промысловых хозяйств (3,6% от общего числа хозяйств) [4, с. 315].

Первая мировая война не нанесла прямого ущерба экономике Сибири. Напротив, в связи с ухудшением обеспечения товарного рынка промышленными изделиями занятость населения в кустарных промыслах резко увеличилась, и к 1917 г. в Бийском уезде число хозяйств с промыслами возросло до 18 861, составив 19,9% от общего числа [4, с. 315].

В 1917 г. в Бийский уезд входило 24 волости, в их числе Башелакская (с. Малий Башелак), Енисейская, Новиковская, Сростинская, Усятская. Для оценки состояния кустарных промыслов в сельских населенных пунктах, ранее входивших в состав перечисленных волостей Бийского уезда, а ныне — в состав Бийского

Кустарные промыслы населения Бийского района в первой половине XX в.